
Л. А. Файнберг

**О ВОЗМОЖНЫХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ АНАЛОГАХ
ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА ОХОТНИКОВ
И СОБИРАТЕЛЕЙ**

Общепризнано, что для реконструкции истории первобытного общества необходимо привлекать данные разных наук: антропологии, археологии, этнографии. В то же время относительное значение каждой из этих дисциплин и принципы использования их данных в процессе такой реконструкции продолжают оставаться предметом дискуссии. Подавляющее большинство исследователей придерживается той точки зрения, что по археологическим материалам можно получить представление о хозяйстве и материальной культуре людей каменного века, но невозможно восстановить их общественные отношения. Для последней цели требуется привлечь данные этнографической науки об обществах охотников и собирателей нового и новейшего времени. В литературе по первобытной истории эти общества рассматриваются или как эквиваленты, или как аналоги классической первобытности. Первая точка зрения нашла свое отражение, например, в работе В. М. Бахты о папуасах Новой Гвинеи, вторая — в статье А. И. Першица¹.

Как нам представляется, отношение А. И. Першица к этнографическим объектам лишь как к аналогам, но никоим образом не эквивалентам племен подлинной классической первобытности является хорошо обоснованным. Ведь с той отдаленной эпохи даже самые отсталые племена нового времени прошли не менее длительный путь развития, чем промышленно развитые нации, и все это время подвергались различным внешним влияниям. К тому же охотники и собиратели нового времени, как правило, живут в значительно более неблагоприятных условиях, чем их отдаленные предки в конце верхнего палеолита и мезолита. При пользовании методом этнографических аналогов, естественно, «надо руководствоваться общими принципами выводов по аналогии, включая сюда обычные требования повышения вероятности этих выводов»². А. И. Першиц, а также ряд зарубежных исследователей полагают, что при сходном уровне «приобретения жизненных средств», сходной экологии, принадлежности к одному хозяйственно-культурному типу можно сопоставлять «однотипные общества независимо от их пространственного расположения и культурной преемственности»³. Тем самым аналоги

¹ Бахта В. М. Папуасы Новой Гвинеи: производство и общество.— В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. Т. 1. М.: Наука, 1968, с. 272—273; Першиц А. И. Этнография как источник первобытноисторических реконструкций.— В кн.: Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. М.: Наука, 1979, с. 32—36 и др.

² Першиц А. И. Указ. раб., с. 34.

³ Там же, с. 33—34; см. также Clark J. G. Archaeological Theories and Interpretation: Old World.— Anthropology Today. Chicago, 1957, p. 335.

понимаются как пространственно-неограниченные и стадияльные. Такое понимание аналогов дает широкие возможности для археолого-этнографических сопоставлений. В то же время, как мы попытаемся показать ниже на конкретных примерах, оно может привести к ошибкам при выборе наиболее репрезентативных аналогов.

Большую достоверность результатов реконструкции обеспечивает другая методика, согласно которой сравнение живых и реконструируемых черт культуры должно проводиться только в пределах тех областей, где может быть прослежена непрерывность культурного развития. Это так называемый метод контролируемого сравнения Ф. Эггана, К. Чанга, Р. Наррола⁴. При подобном сравнении наиболее полно учитывается конкретно-историческая специфика отдельных культур. Однако за это приходится расплачиваться дорогой ценой — ограничением сферы применения метода аналогов небольшим числом областей земного шара, где до недавних пор сохранились отсталые общества охотников и собирателей.

С нашей точки зрения, применение контролируемого сравнения абсолютно необходимо лишь на этапе предварительного исторического анализа тех этнографических групп, которые исследователь предполагает использовать в качестве этнографических аналогов первобытного общества (конкретные примеры см. ниже). На следующем этапе работы, когда уровень репрезентативности аналога уже определен, он может быть использован при реконструкции однотипных обществ охотников и собирателей, живших в различных областях земного шара, но сходных по существенным параметрам. В работах сторонников пространственно-неограниченного использования аналогов часто высказывается мнение, что в качестве аналогов годятся главным образом так называемые общества-изоляты (австралийцы, тасманийцы), что они более репрезентативны, чем «общества-регрессаты», так как у последних не обязательно имела место полная регенерация архаических форм⁵. Нам думается, что этот вывод, будучи в принципе верным, требует известных оговорок и большой осторожности в приложении к конкретному материалу. Во-первых, как недавно справедливо заметил В. И. Шнирельман, «для различных целей реконструкции одно и то же общество обладает, очевидно, и разной степенью репрезентативности»⁶. А во-вторых (этому второму моменту и посвящена в значительной части данная статья), отнесение тех или иных этнографических групп к регрессатам по большей части покоится на общих соображениях, а не на фактах. Так, нередко считают обществами-регрессатами огнеземельцев (она, яганов, алакалуфов)⁷. Для этого, на наш взгляд, нет соответствующих фактических оснований. К настоящему времени установлено, что древнейшие группы индейцев жили на южной оконечности Америки уже 11 тыс. лет назад, т. е. в самом конце верхнего палеолита⁸. Это были верхнепалеолитические охотники и собиратели, одна из стоянок которых найдена, например, в пещере Фелл на юге Патагонии. Здесь обнаружено несколько культурных

⁴ *Eggan F.* Social Anthropology and the Method of Controlled Comparison.— *American Anthropologist*, 1954, v. 56, pt 1, № 5, p. 747; *Chang K.* Major Aspects of the Interrelation of Archaeology and Ethnology.— *Current Anthropology*, 1967, v. 8, № 3, p. 229; *Narrol R.* Some Thoughts on Comparative Method in Cultural Anthropology.— *Methodology in Social Research*. N. Y., 1968, p. 240.

⁵ *Першиц А. И.* Указ. раб., с. 34; *Крюков М. В.* Этнографические факты как источник изучения первобытности: проблема критериев стадияльной глубины.— В кн.: Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества, с. 49, 53.

⁶ *Шнирельман В. А.* Рец. на кн.: Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий. М., 1978.— *Сов. этнография*, 1979, № 4, с. 173.

⁷ См., например, *Першиц А. И.* Указ. раб., с. 34.

⁸ *Forbis R.* The Paleoamericans.— In: *Prehispanic America*. London, 1974, p. 13; *Lanning E., Hammel E.* Early Lithic Industries of Western South America.— *American Antiquity*, 1961, v. 27, № 2, p. 147.

слоев с наконечниками стрел или дротиков так называемого типа «рыбий хвост», большими боковыми скребками, орудиями из кости, которые могли служить для разделки мяса и обработки шкур, а также остатками от кремации покойников. Самый нижний слой стоянки датируется по радиоуглероду 9050 ± 170 и 8770 ± 300 лет до н. э.⁹ Обитатели стоянки охотились на вымерших позднее животных — американских лошадей, земляных ленивцев, а также на гуанако.

Мы не утверждаем, что обитатели этой и других стоянок Южной Америки со сходными палеофауной и инвентарем в Аргентине, Эквадоре, Уругвае и Бразилии были предками огнеземельцев. Пока мы хотим подчеркнуть другой момент, а именно то, что в конце палеолита и начале мезолита в Южной Америке, к югу от экватора и до южной оконечности континента, жили группы примитивных верхнепалеолитических и ранне-мезолитических охотников и собирателей.

Вместе с тем стоит обратить внимание на то, что в прошлом она жила не только на Огненной Земле, а занимали и юг материка, т. е. район, где когда-то обитали люди, оставившие во многом сходные стоянки Фелл и Палли Айк¹⁰. Как и для людей с этих стоянок, для она была особенно важна охота на гуанако, которая велась с помощью лука¹¹. Сходство в экологии, уровне и направлении хозяйства дает возможность считать она продолжателями культурных традиций обитателей названных и сходных с ними стоянок самого конца верхнего палеолита и начальной поры мезолита в южной половине Южной Америки, а следовательно, обращаться к обществу она как к аналогу обществ этих древних охотников открытых пространств.

У двух других групп огнеземельцев — яганов и алакалуфов — важную роль в хозяйстве играли морские промыслы — охота на тюленей с помощью гарпунов, копий или просто дубинок, сбор моллюсков, рыболовство, а также охота на птиц и сбор растительной пищи¹².

Древнейшей в районе обитания огнеземельцев культурой, ориентированной на использование пищевых ресурсов моря, является культура морских зверобоев о. Энглфилд у южной оконечности Чили. Около 9 тыс. лет тому назад на этом острове жили люди, охотившиеся с помощью гарпунов и копий на морских животных, а также занимавшиеся рыболовством.

Археологических находок, относящихся к двум-трем последующим тысячелетиям, нет, и поэтому нельзя сказать, существует ли какая-либо прямая культурная преемственность между обитателями о. Энглфилд и огнеземельцами. Но несомненно, что Огненная Земля была заселена очень рано и характерные для огнеземельцев хозяйство и культура с присутствием им сочетанием сбора морских моллюсков, охоты, сбора плодов и ягод, рыболовства, подвижным образом жизни, очень примитивными временными жилищами и т. п. сложились, как об этом свидетельствуют новые раскопки, не позднее 6 тыс. лет назад, если не раньше¹³.

По-видимому, со времени своего сложения и до этнографической современности культура огнеземельцев была исключительно консервативной и застойной. Как отмечает Дж. Бёрд в отношении алакалуфов, «нет заметной разницы в их пищевых обычаях и снаряжении между прошлым, как оно отражено в раковинных кучах, и настоящим»¹⁴. И нам кажется обоснованным мнение Б. Фагана, что многие корни культуры огнеземельцев — этого самого южного общества первобытного мира — восходят к

⁹ *Forbis R.* Op. cit., p. 13, 19.

¹⁰ *Cooper J.* The Ona. Handbook of South American Indians. V. 1. N. Y., 1963, p. 108.

¹¹ *Ibid.*, p. 110.

¹² *Bird J.* The Alacaluf.— In: Handbook of South American Indians. V. 1. N. Y., 1963, p. 58—63; *Cooper J.* The Yahgan.— *Ibid.*, p. 84.

¹³ *Fagan B.* People of the Earth. An Introduction to World Prehistory. Boston, 1977, p. 157.

¹⁴ *Bird J.* Op. cit., p. 58.

ранним охотничьим культурам, которые в других местах уже тысячелетия назад сменились культурами земледельцев¹⁵.

Не вызывает никакого сомнения, что среди верхнепалеолитических охотников и собирателей были более и менее развитые группы. И о регрессе у обитателей Огненной Земли мы могли бы говорить только в одном случае, а именно, если бы имелись доказательства того, что предки огнеземельцев принадлежали к числу наиболее развитых групп каменного века Америки, а затем деградировали. Однако подобных доказательств не имеется. Напротив, более вероятно, что поселенцы Огненной Земли вели свое происхождение от одной из наиболее отсталых групп верхнепалеолитического населения Америки, почему и были вытеснены в окраинную область континента.

Конечно, нет прямых доказательств того, что предки огнеземельцев не деградировали с того времени, когда они жили севернее, но свидетельства их деградации вообще отсутствуют. Поэтому с большой долей вероятности огнеземельцев можно считать не регрессатом, а стагнирующим обществом, что дает возможность использовать этнографический материал о них для реконструкции тех обществ конца верхнего плейстоцена и голоцена, которые имели сходную экологию и сходный уровень и характер добывания средств существования.

В частности, она могут использоваться для реконструкции обществ пеших охотников саванн и памп Южной Америки. В свою очередь материалы о яганах и алакалуфах, по-видимому, могут использоваться для реконструкции образа жизни североамериканских мезолитических собирателей морских моллюсков, т. е. индейцев архаической традиции, по принятой в американистике терминологии. Более сложен и требует специального исследования вопрос о возможности привлечения материалов о яганах и алакалуфах в качестве аналогов мезолитического населения Северной Европы и Южной Африки, хотя некоторое сходство в экологии, типе и уровне хозяйства, очевидно, имеется.

Наряду с огнеземельцами в качестве регрессатов нередко фигурируют племена тропических лесов Южной Америки. Доказательству этого тезиса посвящена, например, статья известного археолога-латиноамериканиста Д. Латрапа¹⁶. Основной акцент в ней делается на то, что так называемая культура тропических лесов прежде всего является формой адаптации к воде — рекам, ручьям, протокам — и что современные племена междуречий — это осколки более развитых племен, живших в прошлом на самой Амазонке и ее крупных притоках. Отсюда следует, что культура племен тропических лесов Южной Америки вторична, является результатом деградации существовавших в этой области более высоких культур и, выражаясь словами Д. Латрапа, «вероятно, совсем не может нам прояснить природу донеолитических охотничьих культур»¹⁷.

Д. Латрап, безусловно, прав, что в прошлом по Амазонке и ее притокам жили племена с более высоким уровнем социально-экономического развития, чем потомки этих племен, бежавшие от ужасов европейской колонизации в труднодоступные районы водоразделов. К настоящему времени можно сказать иногда определенно, а иногда предположительно, но с большой долей вероятности, что многие племена тропической Америки, существовавшие в XIX—XX вв. исключительно за счет охоты, собирательства и рыболовства, в прошлом знали земледелие. В качестве примера мы могли бы назвать такие этнографические группы, как гуаяки Парагвая, каинганг юга Бразилии, некоторые из племен жес Восточной Бразилии и т. д.¹⁸

¹⁵ Fagan B. Op. cit., p. 157.

¹⁶ Lathrap D. The «Hunting» Economies of the Tropical Forest Zone of South America. An Attempt at Historical Perspective.— In: Man the Hunter. Chicago, 1968, p. 23—29.

¹⁷ Ibid., p. 29.

¹⁸ Handbook of South American Indians. V. 1, 3.

Вместе с тем, и это признает и Д. Латрап, есть племена охотников и собирателей (ботокуды, маку и др.), относительно которых нет сведений ни о занятиях их в прошлом земледелием, ни о каких-либо других элементах более высокой культуры, чем та, которая зафиксирована в этнографических источниках. Иными словами, у нас нет никаких оснований для утверждения, что ботокуды, маку и близкие к ним по культуре племена бразильского севера деградировали. Поэтому вопрос об использовании сведений о подобных племенах тропических лесов для гипотетической реконструкции соответствующих им по уровню развития и экологии лесных охотников и собирателей мезолита или даже конца палеолита тропических областей земли остается открытым.

Большие и неиспользованные возможности для реконструкции мезолитических, а в некоторых случаях, может быть, и финально-палеолитических обществ охотников и собирателей открытых пространств представляют племена южноамериканских льяносов, простирающихся к северу от тропических лесов. Культура индейцев льяносов — гуахибо, чирикуа, яруро и др. — имеет очень примитивный облик и, насколько можно судить, ко времени ее первоначального исследования не претерпела существенных изменений в результате европейского влияния¹⁹.

Конечно, индейцы льяносов, тропических лесов, Огненной Земли до освоения тех территорий, на которых их застали европейцы, прошли длительный путь развития и, несомненно, контактировали с различными индейскими обществами. Одни из этих обществ были более развитыми, другие — менее, но ведь такие контакты происходили и в классическом каменном веке. К тому же не удастся выявить каких-либо следов влияния развитых индейских культур на те общества, репрезентативность которых мы сейчас рассматриваем, т. е. на огнеземельцев, охотников и собирателей тропических лесов и льяносов, за исключением разве что гуахибо²⁰.

Что касается европейского влияния, то одни из интересующих нас этнографических групп (маку, вайка) избегают контактов с европейцами, другие (огнеземельцы, ботокуды) были описаны до того, как их традиционная культура была разрушена колонизаторами. Поэтому, на наш взгляд, все эти общества правомерно использовать для реконструкции соответствующих им по экологии и уровню развития производительных сил обществ классической первобытности.

Очень интересны для использования в качестве этнографического аналога ведды Шри Ланка. В настоящее время подавляющее большинство веддов, живущих в сельской местности, наряду с охотой, рыболовством, собирательством занимается и земледелием. Но еще в конце XIX — начале XX в., когда культура этого народа была впервые подробно изучена сначала П. и Ф. Саразинами, а несколько позднее К. и Б. Зелигманами, во внутренних районах юго-восточной части Шри Ланка обитало значительное число веддов, занимавшихся исключительно охотой и собирательством и использовавших в качестве жилищ пещеры.

Сравнение материальной культуры веддов с данными, полученными в результате археологических раскопок в пещерах, привело Саразинов к выводу, что ведды являются прямыми потомками древнейшего населения Шри Ланка, людей, живших на этом острове в каменном веке²¹. Позднее археологические и этнографические исследования подкрепили и

¹⁹ Handbook of South American Indians. V. 2, p. 445—468.

²⁰ О взаимодействии классовых и первобытных обществ Америки см. *Файнберг Л. А.* Америка.— В кн.: *Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий.* М.: Наука, 1978.

²¹ *Sarasin P. und F.* Ergebnisse Naturwissenschaftlicher Forschungen auf Ceylon. B. 3. Die Veddas von Ceylon. B. 4. Die Steinzeit auf Ceylon. Wiesbaden, 1908; *Seligman C. and B.* The Veddas. Cambridge, 1911.

углубили этот вывод. В ходе их, в частности, было установлено, что во многих пещерах люди непрерывно жили на протяжении длительных периодов времени. При этом непрерывная культурная традиция с постепенным развитием, но без резких граней продолжается с мезолита и до пещерных стоянок веддов XVII—XVIII вв.²² Мезолитические культурные слои трудно отграничить от неолитических, а последние незаметно переходят в культуру, принадлежащую уже веддам. На земле известно немало районов, где так хорошо прослеживается непрерывная культурная преемственность от начала мезолита и до культуры охотников и собирателей нового времени, как на Шри Ланка. И кажется правомерным предположение Б. Олчина о вероятном сходстве не только материальной культуры, но и социальной организации веддов с их далекими предками — древним населением Шри Ланка²³. В новое время общество веддов было матрилинейным и матрилокальным. Видимо, те же социальные порядки были характерны для их предков. Мы разделяем также мысль П. Дерианагала, что локальные археологические различия, выявленные при сравнении синхронных материалов из отдельных пещер, могут отождествляться с племенным делением современных веддов²⁴.

Этнографические материалы о веддах, по-видимому, могут быть использованы для реконструкции хозяйства, культуры и социальной организации не только населения Шри Ланка в эпоху мезолита и раннего неолита. Пожалуй, почти с таким же основанием общество веддов можно использовать как этнографический аналог первобытных обществ юга Индии, так как не вызывает сомнения большая близость и генетическая связь позднего каменного века на юге Индии и на Шри Ланка²⁵.

Обратимся теперь к обществам-«изолятам». Выше мы пытались показать, что часть обществ, традиционно причисляемых к регрессатам, видимо, не имеет признаков регресса. Напротив, литература об обществах-изолятах показывает, что изоляция обычно не только тормозит развитие, но и ведет к регрессу. Очень показателен в этом плане пример тасманийцев, культура которых, по мнению В. Р. Кабо, является «типичной культурой охотничье-собирательского общества на позднепалеолитической стадии развития» и представляет собой наряду с культурой австралийцев «определенный культурно-исторический тип»²⁶.

С этим трудно согласиться. Обращает на себя внимание регрессивный облик тасманийской культуры к приходу европейцев, выразившийся в отказе аборигенов Тасмании от рыболовства, утрате копьемедалок, прекращении изготовления орудий на рукояти и орудий из кости и т. д.²⁷ Это те черты регресса, которые удалось обнаружить исследователям. Но можем ли мы быть уверены, что регрессу в хозяйстве и материальной культуре не сопутствовали какие-то аномальные изменения в социальной организации? Для такой уверенности нет оснований. Трудно сказать, найдем ли мы в каком-нибудь «обществе-регрессате» столько проявлений подлинного регресса, сколько их есть у тасманийцев. И поэтому те же огнеземельцы или охотники и собиратели тропических лесов и саванн могут оказаться не менее, а более репрезентативными, чем тасманийцы.

²² Борисковский П. И. Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии. Л.: Наука, 1971, с. 120—121.

²³ Allchin B. The Stone-Tipped Arrow. Late Stone Age hunters of the Tropical Old World. London, 1966, p. 139.

²⁴ Deriyana gala P. Stone Age Ceylon.— Journal of the Ceylon Branch of the Royal Asiatic Society, 1953, v. 3, pt. 2.

²⁵ Борисковский П. И. Указ. раб., с. 120—121; Allchin B. Op. cit., p. 139; Викраматигирана Э. Источниковедение каменного века Южной Индии и Шри Ланка: Автореф. канд. дис. ЛГУ, 1980, с. 14.

²⁶ Кабо В. Р. Тасманийцы и тасманийская проблема. М.: Наука, 1975, с. 183, 185 и др.

²⁷ Кабо В. Р. Указ. раб., с. 67, 74, 75, 81, 82, 109, 181, 182.

В связи с вопросом о соотношении изолятов и регрессатов мы даже считаем возможным высказать предположение, что полная изоляция неизбежно ведет к регрессу. Мы уже говорили выше о проявлениях регресса у тасманийцев. Насколько быстро изоляция приводит к регрессу, наглядно убеждает пример полярных эскимосов. Эта этнографическая группа появилась на северо-западе Гренландии в XII в., переселившись сюда из канадской Арктики. Примерно на рубеже XVI и XVII вв. в связи с ухудшением ледовой обстановки прервались ранее существовавшие связи полярных эскимосов с более южными группами этого народа. Изоляция полярных эскимосов от их собратьев, живших в других районах американской Арктики, длилась около двух с половиной столетий. За время жизни в изоляции полярные эскимосы утеряли каяк, умиак, лук и стрелы, дротики, применявшиеся для охоты на птиц, остроги, которыми били рыбу. По преданию, утрата каяков и умиаков была следствием смерти от какой-то эпидемии всех стариков, умевших их строить. Причины утраты других вышперечисленных элементов традиционной культуры эскимосов совершенно не ясны, но это серьезно сказалось на хозяйстве и всей жизни полярных эскимосов. Из-за отсутствия лодок прекратилась летняя охота на морского зверя в воде. Весной, когда охота велась со льда, полярным эскимосам приходилось теперь добывать мясо на весь год. Утрата лука со стрелами повела к прекращению охоты на оленей. Возникла даже вера, что мясо оленей ядовито и поэтому его нельзя есть. Эти перемены не были необходимым следствием новой экологической обстановки, а лишь результатом совместного действия ряда неблагоприятных случайностей, закреплявшихся изоляцией. Когда в 60-х годах XIX в. к полярным эскимосам присоединилась группа переселенцев с Баффиновой Земли, под их влиянием возобновились и охота на оленей с луками, и морская охота с каяков.

Что касается другого общества-изолята — австралийцев, то в их культуре нет таких черт регресса, как у тасманийцев. Но не стоит забывать, что культурная изоляция Австралии от Юго-Восточной Азии в каменном веке была очень и очень относительной. Распространение в Австралии хоабиньской культуры «свидетельствует, — как пишет П. И. Борисковский, — о тесных многообразных связях Австралии и Юго-Восточной Азии — на протяжении мезолита, и вероятно, и позднего палеолита»²⁸.

В более позднее время, хронологически соответствующее неолиту, в Австралии получают распространение геометрические микролиты, «близко напоминающие геометрические микролиты Малайского архипелага, Цейлона и особенно Индии». По мнению П. И. Борисковского, «австралийские микролиты тоже свидетельствуют о каких-то тесных связях с Юго-Восточной Азией», хотя и с другими ее областями, чем во времена мезолитической хоабиньской культуры²⁹.

Таким образом, представляется несомненным, что своеобразное смешение в культуре австралийцев палеолитических, мезолитических и ранне-неолитических элементов, о которых пишет В. Р. Кабо³⁰, является следствием не только самостоятельного развития культуры, принесенной в Австралию ее первыми поселенцами 30—35 тыс. лет назад, но и длительного влияния мезолитических и неолитических культур Юго-Восточной Азии. Мы не говорим уже о культуре северной Австралии, и в нашем тысячелетии значительно обогатившейся за счет заимствований из культур Новой Гвинеи и особенно Индонезии, где в XV в. существовали

²⁸ Борисковский П. И. Указ. раб., с. 169—170.

²⁹ Там же.

³⁰ Кабо В. Р. Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М.: Наука, 1975, с. 364.

феодалные государства, а культура давно превзошла уровень каменного века³¹.

Учитывая все это, думается, что противопоставление у охотников и собирателей нового времени регрессатов и изолятов с предпочтением последних в качестве этнографических источников для реконструкции классической первобытности не вполне оправдано. Изоляция может сопровождаться значительным регрессом, а общества, живущие в периферийных в географическом и культурном отношении областях, но не изолированно от других этнографических групп, совсем не обязательно имеют регрессивные черты. Поэтому при подыскании этнографических аналогов первобытности неправомерно выделять среди племен нового времени, сохранивших охотничье-собирательское хозяйство, регрессаты и изоляты, как две взаимоисключающие группы.

Более плодотворным, но и несравненно более трудоемким кажется конкретный анализ каждого современного общества охотников и собирателей, для того, чтобы выяснить возможность его использования в качестве аналога какого-то опять-таки конкретного, ограниченного не только эпохой, но и географически общества классической первобытности.

Во всех сомнительных или неясных случаях представляется более правильным не прибегать к этнографическим аналогам, чтобы не дискредитировать поверхностными сопоставлениями этот в перспективе плодотворный метод.

Прав А. И. Першиц что, «вероятно, мы вообще не располагаем сколько-нибудь надежными этнографическими аналогами для позднепалеолитических обществ Европы...»³². Этот вывод правомерно распространить на всю приледниковую зону Евразии. Нигде на земном шаре не сохранилась та экологическая обстановка, в которой жили оседлые или полуседлые верхнепалеолитические охотники на мамонта Западной, Центральной и Восточной Европы, а также Сибири.

В конце верхнего палеолита с вымиранием мамонтов, переходом охотников Европы и Сибири к охоте на северных оленей и одновременно с совершенствованием охотничьего снаряжения (появлением лука) образ жизни людей в приледниковой зоне становится более подвижным. Их хозяйство и материальная культура, насколько они известны по археологическим данным, выглядят схожими с хозяйством и материальной культурой охотников на оленей американского приполярья, т. е. эскимосов карибу и нунамиут. Поэтому и в прошлом, и до сих пор они привлекаются некоторыми исследователями в качестве этнографического аналога, эквивалента или модели европейских и сибирских охотников на северного оленя конца верхнего палеолита³³.

До последних полутора-двух десятилетий эскимосы нунамиут и особенно карибу считались потомками древних охотников на северного оленя, тысячелетия живших в тех же областях, которые они занимали в конце XIX — начале XX в.³⁴ Поэтому было довольно естественно рассматривать этих эскимосов как аналог или модель охотников на северного оленя конца верхнего палеолита и мезолита. Однако в недавние годы было точно установлено, что эскимосы карибу и нунамиут лишь два-три века назад оставили побережье, перешли от морской охоты к охоте на оленей и во многом изменили свою культуру (тип жили-

³¹ Там же, с. 329—334; *Файнберг Л. А.* Австралия и Океания.— В кн.: *Первобытная периферия классовых обществ.*

³² *Першиц А. И.* Указ. раб., с. 35.

³³ См., например, *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л.: Наука, 1976, с. 29; *Кабо В. Р.* Теоретические проблемы реконструкции первобытности.— В кн.: *Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества*, с. 107; *David N.* On Upper Palaeolithic Society. Ecology and Technological Change: the Noaillian Case.— In: *The Explanation of Culture Change.* London, 1973.

³⁴ *Birket-Smith K.* The Caribou Eskimos. V. 1—2. Copenhagen, 1929.

ща, форму отопления и освещения и т. д. и т. п.) в ходе приспособления к новым условиям³⁵.

Общество нунамиутов в дополнение к этому вообще прекратило свое самостоятельное существование к 1920-м годам. За несколько десятилетий до этого значительная часть нунамиутов была вывезена американскими китобоями в устье р. Макензи для использования в качестве наемных охотников. Остаток племени нунамиутов переселился в стойбища прибрежных эскимосов. Спустя некоторое время часть нунамиутов вернулась с побережья во внутренние районы Аляски. Это-то «восстановленное» общество нунамиутов изучалось этнографами, и прежде всего Н. Гебсером³⁶.

Н. Гебсер много сделал для того, чтобы реконструировать в своей монографии общество нунамиутов таким, каким оно было в XIX — начале XX в. Но все же сомнительно, можно ли использовать в качестве аналога общества классической первобытности общество, которое до того, как оно было изучено, претерпело метаморфозу, а именно сначала сменило свой хозяйственно-культурный тип, перейдя от жизни в постоянных селениях на побережье и морской охоты к более подвижной жизни охотников на оленей, затем переселилось на побережье, где испытало европейское влияние, а потом снова вернулось (но уже не в полном составе) в тундру.

Думается, что нунамиутов нельзя использовать ни в качестве аналога, ни для построения модели обществ классической первобытности. Неправомерно и использование с той же целью, например, Н. Дэвидом материалов о монтанье-наспапи и других индейских охотничьих племенах американского севера. В последние десятилетия исследованиями американских этноисториков, а в нашей стране Ю. П. Аверкиевой, было установлено, что в связи с переходом от натурального хозяйства к пушной охоте и меховой торговле весь образ жизни этих племен претерпел разительные изменения. Расселение стало более дисперсным, увеличилась подвижность, распались или ослабели прежние родовые и общинные связи, на первый план выступила малая семья и т. д. и т. п.³⁷

Правда, благодаря многочисленным исследованиям этноисториков традиционные общества охотников американского севера как будто неплохо реконструируются. Но использовать в качестве этнографических аналогов или моделей классической первобытности общества, которые сами известны лишь по реконструкции, вряд ли целесообразно. Слишком низок будет уровень достоверности в окончательном результате.

Все сказанное выше подтверждает сформулированное в начале статьи положение о необходимости знать и учитывать конкретную историю этнографических групп, которые предполагается использовать в качестве аналогов. Только выполнение этого предварительного условия обеспечивает довольно высокую достоверность пространственно-неограниченных археолого-этнографических сопоставлений. Оно выявляет также случаи, когда подобные сопоставления неправомерны или правомерны лишь в отношении отдельных элементов материальной культуры (одежда, жилище и т. п.). В частности, видимо, можно утверждать с достаточной долей определенности, что не имеется этнографических аналогов не только для палеолитических охотников на мамонта, но и для финально-палеолитических и мезолитических охотников на северного оленя в Евразии.

³⁵ *Oswalt W.* Alaskan Eskimos. San Francisco, 1967, p. 35, 242, 243; *Dumond D.* The Eskimos and Aleuts. London, 1977, p. 140, 147 and others.

³⁶ *Gubser N.* Nunamiut Eskimos. Hunters of Caribou. New Haven — London, 1965.

³⁷ Подробнее см.: *Аверкиева Ю. П.* Индейцы Северной Америки. М.: Наука, 1974, гл. 1, 2; *Van Stone J.* Athapascan Adaptations. Hunters and Fisherman of the Subarctic Forests. Chicago, 1974.

Для обществ конца палеолита, мезолита и начала неолита некоторых других регионов (Южной Америки, Южной Азии, возможно, приморской зоны Северной Европы) такие аналоги скорее всего имеются. Однако этот вопрос требует дальнейшей разработки, и прежде всего выбора наиболее репрезентативных в плане сравнения этнографических объектов. Важным условием для этого является изучение истории отдельных этносов и экологической обстановки, в которой они развивались.

ON POSSIBLE ETHNOGRAPHIC ANALOGUES FOR A PRIMITIVE SOCIETY OF HUNTERS AND FORAGERS

Two ways of interpreting ethnographic analogues and two ways of applying them in practical research are examined in the paper. Such analogues may be regarded: 1) as having no spatial boundaries and being valid for objects of similar type in every part of the globe; 2) as being valid only within regions with continuous cultural evolution.

It is shown by concrete examples that the first interpretation of analogues, while it offers wide opportunities for archaeological-and-ethnographical comparisons, at the same time not infrequently leads to errors in determining to what degree individual ethnographical groups may be regarded as representative. The second interpretation ensures a higher reliability of the conclusions drawn from the analogue, but restricts the application of the method to those regions where backward societies of hunters and foragers were still in existence a short while ago.

It is proposed in the paper to combine the advantages of both ways of using analogues. Namely, the analogue society should be chosen within regions with continuous cultural evolution, and only after this the selected analogue should be used in a broader geographical range of archaeological-and-ethnographical comparisons. The conclusion is reached through analysing various historical materials that it is not only for palaeolithic mammoth hunters that there are no ethnographical analogues in existence, but even for reindeer hunters in northern Eurasia belonging to the final palaeolithic and the mesolithic period.

At the same time, it is suggested that such analogues most probably do exist for late palaeolithic, mesolithic and early neolithic societies of certain other regions: South America, Southern Asia, perhaps the coastal regions of Europe. To resolve the question the history of the hunters and foragers of these regions must be carefully studied and considered; without this the degree to which these cultures as a whole and their various aspects may be regarded as representative of primitive society cannot be determined.